

Бадова Лейла Асахметовна

аспирант

Дзахова Кристина Николаевна

студентка

ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова»

г. Владикавказ, Республика Северная Осетия – Алания

СМЕНА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ: ДЕТЕРМИНАНТЫ И ДИНАМИКА

Аннотация: в данной статье рассмотрены этапы смены политических элит после распада СССР. Приведены особенности и проанализированы признаки каждого из этапов. Отмечены негативные факторы элитной ротации современной российской власти, доставшиеся в наследство от советского периода.

Ключевые слова: элита, этнократия, элитогенез, рекрутирование, бизнес-элита, смена элит, региональная политика.

Постсоветский период развития нашей страны условно можно разделить на три этапа. Первый этап (1991–1999 гг.) характеризовался борьбой политических, экономических интересов номенклатурных, оппозиционных, клановых, региональных, криминальных и иных групп и, как следствие, появлением расколотых, конфликтующих политических элит, которые способствовали усилению идейно-политического противостояния в обществе.

Второй период (2000–2008 гг.) был связан с попытками установления политической стабилизации посредством установления некоторых принципов авторитарного режима: формированием и поддержкой системной оппозиции, выстраиванием вертикали власти, ориентацией на механизмы «ручного управления», преодолением сепаратизма региональных элит.

Третий период (с 2009 г. – по настоящее время) обусловлен усилением демократических тенденций в политическом развитии современной России: созданием кадрового резерва на региональном и федеральном уровнях; диалогом с

внесистемной оппозицией; модернизацией партийной, выборной системы и, как следствие, трансформацией элементов рекрутирования политических элит [6].

Усиление демократических тенденций в политическом развитии современной России выражается в модернизации выборной и партийной систем, создании кадрового управленческого резерва, диалоге с оппозицией и трансформацией модели рекрутирования политических элит, а также изменении стилевых и имиджевых параметров элиты в сторону профессионализации и гуманитаризации [1].

90-е годы характеризовались относительной открытостью путей вхождения во власть, что способствовало симбиозу партийно-советской номенклатурной элиты с представителями бизнес-элит, а также региональной этнократии. Таким образом, можно констатировать что современная политическая элита это – партийно-номенклатурная элита, бизнес-элита и этнократия.

К основным негативным факторам элитной ротации и элитогенеза, унаследованных из прошлого, можно отнести клиентарность, корпоративность, кровнородственные связи, этнические факторы, «сверх бюрократизацию политики» [3, с. 79]. Последний фактор представляет специфическую опасность для России в силу неразвитости демократических институтов и тенденции к сверхконцентрации исполнительной власти (президент, администрация президента, премьер-министр, правительство), что чревато авторитаризмом.

При этом следует отметить заметную и в настоящее время тенденцию к регионализации политики, усилению влияния региональных этнических элит, что в свою очередь ставит остро проблему диалога региональных и федеральных элит, поиска оптимальной системы вертикального и горизонтального взаимодействия и взаимного содействия по реализации национальных и региональных стратегических целей.

С одной стороны, региональные элиты (в том числе этнические) представляют для федеральной власти ценный управленческий ресурс-резерв для регулирования ситуации на основе этнических религиозных ценностей, локальных культурных традиций и практик власти. В условиях налаженного диалога между

федеральными и региональными, местными элитами и эффективно функционирующей меритократической демократической системой элитной ротации, региональные элиты могут обеспечить высокую степень управления и исполнения решений на местах, представительство интересов регионов на федеральном уровне. С другой стороны, в условиях авторитарной модели смены элит региональные элиты выступают актором потенциальных политических конфликтов и деградации процессов межэлитного взаимодействия элит в узкую вертикаль власти замкнутых групп, передающих власть по наследству и назначающих согласно личным предпочтениям приемников (например, передача власти главы Республики Адыгея А.К. Тхакушинова своему племяннику). Подобные случаи будут способствовать консервации властных элит, как на федеральном, так и на региональном уровне, что в свою очередь будет приводить к углублению управленческого кризиса власти.

На опасность развития в России этнократии и элитократии неоднократно указывают современные политологи. Принимая во внимание природно-географические и культурно-цивилизационные особенности России, можно согласиться, что значительные территории российского государства находятся в настоящее время под влиянием традиционных ценностей, авторитетов локальных национальных культур и религиозных образований, управляются традиционными для данных этносов способами. Т.е. демократические механизмы смены элит, к которым, прежде всего, относятся свободные выборы, на данных территориях, контролируемых этнократическими элитами, имитируются на основе традиционного (во многом азиатского, восточного) распределения богатств и власти по старшинству, знатности рода, клановым соображениям и т. д. Свобода демократического выбора оказывается ограниченной рамками традиционной сословно-клановой культуры и механизмами сословно-клановой власти.

«Динамика региональных политических элит детерминирована технологиями рекрутирования, спецификой их легитимации и позиционирования. Особенности трансформации политических элит в российских регионах на современном этапе обусловлены: возрастанием влияния федеральной элиты, в том числе и из-

за отсутствия единства региональных элит; позиционированием региональных политических элит как коммуникатора/медиатора между региональными сообществами федеральными властями; многосторонним характером циркуляции и многослойностью региональных элит; переориентацией политических элит с идеологического противостояния на ресурсное; ростом миграционных потоков, приводящих к изменениям в составе элит на всех уровнях; актуализацией геополитических, геоэкономических и геокультурных факторов в процессе рекрутирования и позиционирования региональных политических элит, которые становятся объектом внимания ряда иностранных государств.

Процесс формирования элит в республиках Северо-Кавказского федерального округа имеет институциональное и функциональное своеобразие, связанное с ограниченностью каналов рекрутирования и кадрового резерва политических элит, доминированием неформальных связей и практик» [6, с. 17].

Обратим внимание на заключительную фразу цитаты, указывающую на доминирование на региональном уровне неформальных связей и практик, поскольку данная тенденция подтверждается и на федеральном уровне.

Так, отвечая на вопрос «Что работает на партии и кандидатов у нас?», В. Федоров, обобщая исследования ВЦИОМа, ответил: «Личный контакт. Избиратели готовы вложиться своим голосом за персональное внимание к ним со стороны кандидата. Есть сарафанное радио, есть бабушки, которые всегда все рассказывают. Конечно, это одна из главных новаций кампании, что централизованные федеральные СМИ менее эффективны, чем личные контакты, хождение по дворам и по площадкам. Это признак серьезных изменений в нашей политической системе [7].

Очевидно, что с точки зрения феномена смены элит, помимо проблемы выстраивания структурно-функциональных связей вертикального и горизонтального межэлитного взаимодействия, существует проблема нормативно-идеологического консенсуса внутри элитной среды по ключевым вопросам внутренней и внешней политики. В докладе клуба «Валдай» (2013 г.) сообщается, что «в ходе исследования была выявлена значительная поляризация установок российских

элит по внешнеполитическим вопросам как относительно определения сферы национального интереса, так и необходимости применения военной силы в международных отношениях» [5, с. 76]. В данной ситуации возрастает роль общенационального лидера как гаранта соблюдения национальных интересов и координатора вертикали и горизонтали власти.

Согласно известной теории трансформационного лидерства Д. Бернса [9], лидер направляет действия элит в русло стратегических интересов общества, а не только осуществляет управляющие транзакции, и роль его тем более велика, чем более динамичной и кризисной является актуальная политическая ситуация.

Здесь следует отметить общемировую тенденцию персонализации политики. Детерминирует данную тенденцию не в последнюю очередь, как нам представляется, избыточная информатизация и виртуализация социума, в которой избирателю трудно проследить политические движения в масштабе страны и мира, соответственно действия элиты для него персонифицируются в образе конкретного национального лидера или наиболее популярного представителя той или иной элитной группы. Так, например, для китайцев (в восприятии китайцев по данным многочисленных социологических исследований последних лет) Россия это, прежде всего президент Путин, а потом уже балалайки, матрешки, шапки-ушанки, чебурашки и прочие популярные атрибуты российской культуры. Косвенным подтверждение тенденции персонализации современной политики в мировом масштабе можно также считать активизацию социально-политических и социально-психологических исследований фигур политических лидеров (как правило, президентов) на основе биографического метода, попыток связать персональные особенности лидера, со спецификой проводимой им политики и предсказать соответственно развитие современных мировых практик власти. Примечательно, что лидером, по числу вышедших за последние несколько лет монографий и иных публикаций о нем выступает российский президент В.В. Путин. К образу российского президента обращаются, как с целью адекватного понимания современных политических процессов, так и с целью информационной пропа-

ганды и информационной войны (западные авторы [2; 4; 8]), что наглядно свидетельствует о значимости фигуры и роли общенационального лидера в современной мировой политике.

Еще одной значимой детерминантной персонализации современной российской политики выступает восточноазиатский тип менталитета и подданнический характер политической культуры, при которой верховный иерарх одновременно и отец народа (восточная модель государства как семьи), верховный вождь, который наделен полномочиями опеки и заботы, властью казнить и миловать. Это отчасти также объясняет ситуацию двойного восприятия, оценки власти президента и «остальных» властей. Президент как отец в семье являет образец благородного мужа и не может быть плохим, а остальные представители власти – дети, в том числе нерадивые, непослушные, глупые, источники проблем в государстве-семье.

В целом, следует отметить, что в условиях кризиса системы власти и внешней угрозы, фигура лидера не только в авторитарных режимах, но и в переходных (особенно в переходных) обществах и демократических режимах способна сплотить нацию и элиту, повернуть общество к решению стратегических задач.

Список литературы

1. Дзахова Л.Х. Современные тенденции развития партийности в модернизации политической системы России (политологический анализ). Дис. д-ра полит. наук. – Ростов н/Д., 2011. – 403 с.
2. Киссинджер Г. Понять Путина. Политика здравого смысла / Г. Киссинджер. – М., 2014. – 200 с.
3. Машкова А.М. Политическая элита и способы ее рекрутирования / А.М. Машкова, И.В. Нигматуллина // Личность, общество, государство: характер и принципы взаимодействия: Всероссийская научно-практическая конференция. – 2015. – С. 77–80.
4. Роксборо А. Железный Путин: взгляд с Запада / А. Роксборо. – М., 2012. – 360 с.

5. Российская элита – 2020. Аналитический доклад грантополучателей международного дискуссионного клуба «Валдай». – М., 2013. – 126 с.
6. Усова Ю.В. Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования / Ю.В. Усова. – Владикавказ, 2015. – 269 с.
7. Федоров В. Будущее повернулось к нам своей темной стороной / В. Федоров // Ведомости. – 2016. – 29 августа.
8. Форд Э. Путин-Крымский. Что дальше? / Э. Форд. – М., 2014. – 208 с.
9. Burns J.M. Leadership / J.M. Burns. – New York: Harper & Row, 1978.